

Социальные реалии: вчера и сегодня

© 1995 г

В.О. РУКАВИШНИКОВ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ И ДРУГИХ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ*

РУКАВИШНИКОВ Владимир Олегович — доктор философских наук, заместитель директора Института социально-политических исследований РАН Заместитель главного редактора журнала «Социологические исследования». Наш постоянный автор

В научной литературе и средствах массовой информации в нашей стране и за рубежом для краткого обозначения сущности происходящих в современной России и других посткоммунистических странах процессов часто используется термин «модернизация». Насколько правомерно употребление этого понятия и насколько эффективно соответствующая концепция может быть применена в исследованиях процессов на Востоке Европы? Уместно заметить, что теория «модернизации и развития» (такая связка понятий также весьма широко распространена в научной литературе (см. например, [1])) активно разрабатывалась в западной политической и социологической науке после второй мировой войны прежде всего в связи с освобождением стран Третьего мира от колониальной зависимости, а также в связи с ускоренным экономическим развитием ряда стран с диктаторским, авторитарным прошлым. О различных аспектах динамичной эволюции стран, волею истории оказавшихся «на периферии» и вынужденных догонять более развитые в промышленном отношении государства Запада, написано множество книг и статей, являющихся объективным свидетельством того, что к 1990-м годам социологическая теория процессов модернизации и развития была достаточно хорошо разработанной и даже казалась уже несколько устаревшей (см. например, [2—5]; в [1] в связи с изменениями, произошедшими в мире к середине 1970-х — началу 1980-х годов ставился вопрос о необходимости ее пересмотра с учетом реалий, сложившихся в ходе движения модернизируемых государств к их современному облику). Коллапс обществ реального социализма вновь привлек внимание к проблематике «модернизации и развития» и поставил новые вопросы, один из которых сформулирован выше.

Парадигма модернизации

Напомним читателю коротко ряд важнейших постулатов теории модернизаций. Согласно этой теории «современной» (и «развитой») может считаться страна со следующими отличительными чертами: значительным уровнем индустриализации; устойчивым экономическим развитием при высоком ВВП и широким использованием неорганических (неживых) источников энергии; верой общества в силу рационального научного знания как основы прогресса (порой сочетающейся с широко распро-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (код проекта 93—06—120).

страненной озабоченностью сохранением природной среды, подвергающейся негативному воздействию вследствие несовершенства применяемых технологий); избытком пишепродуктовых и промышленных потребительских товаров и высоким уровнем и качеством жизни населения; управленческими (бюрократическими) и политическими структурами, все более обзличенными и меритократическими; развитой профессионально-отраслевой структурой высокоомобильного населения, занятого преимущественно в промышленности, науке и сфере обслуживания; большим удельным весом «среднего класса» в системе социальной стратификации; значительным влиянием акторов «гражданского общества» в политической жизни и т.д. (подробнее см. [1, р. 2; 2, р. 63; 3]. Общества или страны, не удовлетворяющие этим условиям, относятся либо к «традиционным», либо к «переходным» (соответственно к «неразвитым» и «развивающимся»). Таким образом, «современность» — это комплексный феномен, имеющий технологическое, экономическое, социальное, политическое и психологическое измерения. Следовательно, модернизация — сложный комплексный процесс изменений по каждому из названных направлений. Эти, революционные по сути, системные изменения происходят взаимосвязанно, хотя и не одновременно, в течение достаточно продолжительных периодов времени, имея фазы и субфазы; при этом история показала, что несогласованность в преобразованиях по различным измерениям рано или поздно отомстит за себя посредством социальных или политических катаклизмов. И наконец, утверждается, что эти процессы имеют глобальный, прогрессивный и необратимый характер, ибо в долговременной перспективе болезненные нововведения неизбежно приводят к улучшению как материальной, так и социокультурной стороны человеческого бытия (см. подробнее о природе и характеристиках процессов модернизации [11 и эссе С. Хантингтона в [3]). Глобальность и гомогенизирующий характер этих процессов иногда ставится под вопрос (одни теоретики считают, что их результатом является уменьшение различий между странами, тогда как другие, вспоминая известную метафору Алвина Тоффлера о волнах в развитии человеческой цивилизации, говорят, что реалии современного мира не подтверждают этот вывод¹) [1].

Адепты данной теории считают, что изменения в политической и гражданской культуре, становление гражданского общества и институтов плюралистической представительной демократии являются непременным условием и важнейшим элементом модернизации общества, экономики и политической системы. В этой связи подчеркивается что, согласно представлениям классиков социальной науки, современное гражданское общество отличается, в частности, тем, что оно основано на принципе обоюдной зависимости его членов, признающих взаимные обязательства людей друг перед другом и частные интересы отдельных индивидов (Маркс), или на «органической солидарности» и «коллективной сознательности» (Дюркгейм). Другими словами, гражданское общество можно определить как систему, в которой культурные и политические ценности, нормы и другие элементы, организующие жизнь сообщества в целом, стали естественной частью менталитета индивидов, принявших их в качестве регуляторов собственного поведения. Эта совокупность ценностей, ориентаций, стиля мышления и моделей поведения обычно описывается такими прилагательными-ярлыками как «современная» (или модернистская, т.е. новая, противопоставляемая архаичной, традиционной, прежней), «прогрессивная», «западная», «либеральная», «демократическая» и т.п.

«"Современность" может быть понята, — читаем мы в [1], — как общая бихейвиоральная система, исторически связанная с урбанистическими, индустриальными, грамотными обществами Западной Европы и Северной Америки». Для теоретиков модернизации «человек современный (modern man)» — это по сути дела не кто иной как представитель западной культуры («западный человек» — «western man») — независимо мыслящий и социально и политически активный индивидуалист, самостоятельно добывающий успеха в жизни («self-made man») и признающий право других действовать подобным же образом, соревнуясь с ними за место на вершине

пирамиды дохода и власти [1, 2]. Среди черт личности, которые по-западному «современных» людей отличают от прочих (по-видимому, недоразвитых, да простит мне читатель невольную иронию) называются следующие: психологическая приспособляемость к изменениям и восприятию нового; рациональность мышления и вера в эффективность науки и медицины; способность к выбору — принятию самостоятельных решений относительно собственной судьбы; индивидуализм; стремление к самоутверждению; честолюбие, проявляющееся как в отношении к самому себе, так и к своим детям; и, что особенно интересно в контексте последующего анализа, сильный интерес к политическим вопросам и склонность к формированию и сохранению политических взглядов, которые могут быть отличными от мнения своей семьи, других жителей [2, р. 68]. Как тут не вспомнить о таких выражениях как «гомо советикус», «совок», «новые русские» и других ярлыках, с чьей помощью некоторые отечественные литераторы пытаются описать личностные особенности наших людей: как учит нас реклама водки «Смирнофф», «Почувствуйте разницу!»

Вестернизация как сущность посткоммунистической модернизации

Историческим предшественником термина «модернизация» было понятие «вестернизация». От использования последнего термина, весьма точно передающего суть изменений и социально-психологической сфере, социальной структуре и экономике страны, отказались в 1960-х годах из тактически-политических соображений (эксперты-советники вовремя заметили, что его использование вызывало негативную реакцию политической элиты и интеллектуалов молодых независимых государств).

Нам кажется, что слово «вестернизация» наиболее полно выражает суть перемен в посткоммунистических странах, начиная с 1989 г. и по сей день. Оно отчетливо передает суть и направленность политики, осуществляемой в России правящим режимом, начиная со старта гайдаровских реформ в январе 1992 г. и ее зависимость от западных держав.

В самом деле, модернизация — это управляемый сверху процесс перехода экономики общества из одного состояния в другое с четко артикулированными целями. В том, что касается начальной точки движения России по пути реформ, наблюдается известное согласие среди западных ученых и политиков: «СССР — это «средне-развитая страна с плановой централизованной экономикой и тоталитарным коммунистическим режимом, обладающая термоядерными бомбами и ракетными средствами их доставки» [6]. Перед Советским Союзом в начале периода «перестройки» стояла необходимость структурной реорганизации экономики на путях активного использования достижений научно-технической революции и прежде всего посредством переориентации и конверсии военно-промышленного комплекса с целью повышения уровня жизни населения, а не индустриализации (этот этап, как известно, наша страна прошла в 1930-х годах). Иными словами, «ускорение НТП» (вспомним ранне-перестроечный лозунг) должно было преобразовать индустриальную державу в постиндустриальную.

Каковы же цели перехода в представлениях ныне правящих реформаторов? Постсоветским Россия, унаследовавшая как лучшие, так и худшие компоненты единого общесоюзного народно-хозяйственного комплекса — это, конечно, не «Верхняя Вольта с ракетами», но и не страна, удовлетворяющая всем вышеназванным критериям «западной современности». Задачи конверсии ВПК и обновления технической базы индустрии в целом, повышения эффективности аграрно-промышленного комплекса не сняты с повестки дня и, увы, далеки от решения. Они входят в список стратегических задач, но в практически-политическом плане стоят отнюдь не на первом месте. В настоящий период в качестве наиболее приоритетной рассматривается задача тотальной денационализации (приватизации), подчиненная целям с явно

выраженным идеологическим окрасом. Демороссы, выбороссы Е. Гайдара и их правоцентристские единомышленники из других партии и думских фракций, при незначительных различиях в деталях, обусловленных партийно-тактическими соображениями, в качестве конечных целей реформ указывают на «эффективную рыночную экономику», гражданское общество, формирование «среднего класса» и полномасштабную реставрацию класса предпринимателей-капиталистов как социальной и политической базы режима. Эти цели вполне укладываются в рамки теории модернизации, генерализирующие положения которой, по нашему мнению, подлежат отчасти ревизии и обновлению в свете нового миропорядка, возникшего после коллапса социалистической системы.

Цели же, согласно известной морали, оправдывают любые средства их достижения. Переходный период, в котором находится Россия после антикоммунистического переворота, произошедшего в августе, и распада СССР в декабре 1991 г., был охарактеризован кинорежиссером Ст. Говорухиным как «великая криминальная революция». Можно, наверное, согласиться с этой метафорой, указывающей на средства достижения целей реформаторов, на аморальный облик и характер деятельности нынешних властей предрежащих, поскольку возникшие «из воздуха» огромные состояния «новых русских», несомненно, имеют преступное происхождение, а проникновение мафиозных структур в органы власти и управления признается как свершившийся факт. Эта метафора, однако, акцентирует внимание, скорее, на экономической и политической, нежели социологической, социокультурной и социально-психологической стороне вестернизации, осуществляемой в ходе антисоциалистической контрреволюции.

Обратим внимание на то, что достижение вышеназванных стратегических целей, согласно модернизационной теории, невозможно без кардинальных изменений менталитета российского общества — его вестернизации в форме принятия большинством населения и элитой, в частности, ценностей и норм западного, в первую очередь американского образа жизни. Термин «вестернизация» применим, на наш взгляд, к российской действительности, понимаемый как в широком смысле (преобразование на западный манер законодательства, всей системы экономических и общественных отношений, установление более тесных отношений зависимости от Запада в области внешней и внутренней политики и проч.), так и в узком смысле слова, акцентирующем внимание на процессах в сфере сознания, культуры и образа жизни.

Наша по-прежнему правящая экс-номенклатура, чиновники и нувориши — спекулянты-предприниматели весьма успешно американизируются, воспринимая, главным образом, худшее из богатого заокеанского опыта. Откровенное пренебрежение законами и нормами общественной морали, уголовный беспредел, наглый цинизм и бесстыдство стали отличительными чертами морали и поведения имеющих власть и деньги. То, что в прежние годы пряталось от глаз людских за заборами государственных дач и охотничьих домиков, сегодня открыто выставляется напоказ.

Символами вестернизации являются как внедряемые в русскую лексику иностранные наименования чиновничьих должностей и бюрократических учреждений — «мэр», «префект», «департамент», «муниципалитет» и т.д., так и дорогие магазины, ночные клубы, казино и рестораны с привычными для уха космополитов названиями «Нина Риччи», «Манхеттен-экспресс», «Макдональдс» и др.), на глазах меняющие внешний облик центральных улиц Москвы и Петербурга, делающие их похожими на центры западных мегаполисов и таким косвенным путем воздействующие на сознание и поведение россиян.

Население России подвергается интенсивной идеологической обработке. Иначе власть не удержать и современный капитализм не построить. Бесспорными лидерами в «промывании мозгов» являются подконтрольные правящей клике электронные средства массовой информации и подвергающееся экономическому прессингу «важнейшее из всех искусств» — кино, где американские фильмы составляли в первой половине 1994 г. 74% прокатного репертуара (по данным исследования, проведенного

фирмой «Дубль Д» по заказу Роскомкино; опубликовано в газете «Московский комсомолец» (29 августа 1994 г.). Таким образом производится внедрение в сознание нации чужих культурных стереотипов («cultural patterns»), имеющее далеко идущие последствия.

Засилие американской кинопродукции вызывает негативную реакцию большей части взрослого населения: по данным почтового опроса взрослых горожан России (выборка 1 657 человек), проведенного ИСПИ РАН в конце мая — начале июня 1994 г. под руководством автора, 4/5 (81%) респондентов полностью (64%) или частично (17%) согласны с мнением о том, что «слишком много американских фильмов в кино и на телевидении». Заметим, что это мнение в наибольшей степени разделяют люди среднего и пожилого возраста и женщины, и в меньшей степени — молодежь, на которую и направлено, главным образом, воздействие пропагандистской машины реформаторов. Так, среди 20—24-летних только немногим более половины опрошенных поддерживают эту точку зрения — полностью 31% и частично 25%.

Структура общественного мнения в отношении кинорепертуара интересна не как отображение разнообразия художественных вкусов, пристрастий россиян: дело, в конце концов, не в том, что кому-то нравится только мелодраматическое индийское или мексиканское кино, кому-то — голливудские вестерны и триллеры, кто-то предпочитает отечественные фильмы со знакомыми именами и лицами, а кому-то вообще не нравится все зарубежное — и американское, и итальянское, и грузинское, и французское, и польское. На наш взгляд, за расколом мнений внутри возрастных когорт стоит конфликт ценностей, установок и ориентаций, существующих в структуре менталитета постсоветского российского общества, о чем мы уже писали ранее [7—9]. Позиция большинства — это реакция на экспансию США в сфере культуры как важную составную часть **сознательно** проводящейся российскими властями политики вестернизации. Не случайно внешняя политика России рассматривается большей частью населения как, по крайней мере, несамостоятельная: по данным нашего опроса, весной 1994 г. 46% взрослого городского населения было полностью или частично согласны с мнением «нынешняя внешняя политика России проводится под диктовку США»; не согласны с этим мнением — 35% (весной 1993 г. соответственно 41% и 42%). Столь же явственно позиция большинства проявилась и в оценке рецептуры проводимых реформ: в 1994 г. 70% опрошенных полностью или частично согласны с утверждением «реформаторы, выступающие за рынок и демократию на западный манер, не понимают специфики России» (не согласны — 14%); в 1993 -м таких было соответственно 54% (24%), в 1992-м — 57% (21%). Таким образом, россияне в массе своей ясно понимают сущность происходящего в стране, равно как и то, что «политических лидеров России не очень заботит, что думают простые люди» (в поддержку этого мнения высказались 86% респондентов в 1994 г.)

Мы отмечали выше, что процесс вестернизации происходит во всех посткоммунистических обществах, идущих параллельными с Россией курсами реформ. Он повсеместно встречает сопротивление² и, по оценкам специалистов, потребует времени, сопоставимого с периодом жизни поколения³ [7, 11]. Нужны долгие годы, чтобы либеральная идеология, лежащая в основе образа жизни современного западного буржуазного капиталистического общества, была воспринята в странах проигравшего социализма большинством населения, а не только узким слоем лиц, выигравших от передела государственности и прочих нововведений.

Ограничимся только одним примером — бывшей ГДР. Казалось бы, здесь посткоммунистическая вестернизация должна идти наиболее легко и быстро. Но это не так. Известный немецкий специалист в области общественного мнения Элизабет Нойль-Нойман в докладе на XVI Всемирном конгрессе Международной Ассоциации политической науки в Берлине в августе 1994 г. заявила: нет свидетельств того, что восточногерманское население в своей массе приняло западные установки и ценности, а обратное утверждение, напротив, будет справедливым [12]. Число восточных немцев, позитивно относящихся к западногерманской экономической системе, упало вдвое

по сравнению с весной 1990 г. (было 77%, весной 1993 г. стало 35%). Отвечая на вопрос «Какая экономическая система лучше — рыночная экономика или социализм?» в марте—апреле 1994 г., 54% восточных немцев (86% — западных) выбрали рынок, 8% (2%) — социализм и 38% (12%) затруднились ответить. На вопрос же «Где людям живется лучше — в условиях рыночной экономики или социализма?» 39% из живущих на востоке указали — при рынке (82% из западных немцев), 17% (5%) — при социализме и 44% (13%) не сумели сформулировать свою позицию. Таким образом, большинство жителей бывшей ГДР сказала «не знаю».

Ноэль-Нойман связывает перестройку общественного сознания в восточных землях ФРГ с необходимостью перемен в деятельности журналистов и рекомендует усилить пропаганду «хороших новостей» — пропаганду преимуществ западного образа жизни, дабы противостоять влиянию экс-коммунистов (ПДС) среди части населения в связи с испытываемыми экономическими трудностями. Однако, хотя уровень оплаты труда и жизни на востоке Германии ниже, чем на западе страны, 78% опрошенных весной 1994 г. жителей восточной части Германии оценили свое экономическое положение как хорошее или удовлетворительное (22% — как плохое), а 58% отметили, что их материальное положение улучшилось после объединения (только у 15% оно стало хуже). Следовательно, материальная сторона не является единственным и важнейшим фактором, определяющим и объясняющим отношение восточных немцев к новым условиям жизни. Значительная часть восточных немцев в ходе опросов 1990—1994 гг. (т.е. после падения Берлинской стены и объединения в 1990 г.) отвечали, что они до самого конца искренне верили в преимущества социалистического строя: весной 1994 г. 74% опрошенных заявили, что «социализм — это хорошая идея, которая была плохо воплощена в жизнь».

В докладе отмечается, что похожая картина была выявлена в опросах, проведенных в конце 40-х годов, когда уже после крушения нацизма немалая доля опрошенных немцев (2/3) указала, что она верила в преимущества национал-социализма вплоть до конца войны. В ходе дискуссии Э. Ноэль-Нойман объяснила выявленное сходство инерцией массового сознания. Нужно заметить, что после второй мировой войны активно происходила вестернизация (американизация) Западной Германии, как в широком смысле, так и прежде всего культуры политической и гражданской, о чем мы будем говорить ниже (см. об этих работах в [11]). Для искоренения национал-социалистической идеологии потребовались десятилетия усилий вначале оккупационных властей, а затем журналистов и педагогов. Сегодня в Восточной Германии происходит борьба с последствиями коммунистической индоктринации, т.е. продолжается то, что началось на западе от Эльбы полвека назад только при иных экономических и геополитических условиях и в другой социально-психологической атмосфере.

Гражданское общество, политическая алиенация, национальная гордость

Как отмечалось выше, согласно существующей теории становление гражданского общества и демократических институтов как важнейших атрибутов «модернистского» статуса страны увязывается не только с изменениями социальной структуры, экономических отношений и политической системы, но и с переменами в политической культуре и психологии как фундаменте, обеспечивающем устойчивость нового общества и государства. Остановимся на этих моментах.

В настоящее время, на наш взгляд, уже можно говорить о гражданском обществе в России, по крайней мере в современном понимании этого термина⁴. Это общество, конечно, еще очень слабое, формирующееся, но оно существует, и его акторы в той или иной степени оказывают влияние на правительственную политику через систему политических коммуникаций. «Политическое общество» также является российской

реальностью, а не сугубо идеальной теоретической конструкцией, используемой социологами и политологами в своих анализах. Оно, на наш взгляд, еще не функционирует в значительной степени автономно, как в развитых демократиях Запада, а является частью (наиболее заметной) нашего гражданского общества. Это, впрочем, вполне естественно, если принять во внимание краткую и бурную историю политических, экономических и социальных преобразований в России в 1988—1994 гг.

Гражданское общество начало формироваться у нас в конце периода «перестройки», когда практически любая независимая от государства и неподконтрольная органам правящей коммунистической партии активность граждан была в той или иной мере политизирована. Разнообразие акторов гражданского общества (различные ассоциации, союзы и группы по интересам, такие как группы промышленников и предпринимателей, фермеров, независимые профсоюзы наемных работников различных отраслей, объединения ветеранов, молодежи и проч.) значительно выросло за последние два-три года (косвенным признанием этого является состав участников Договора об общественном согласии, подписанный весной 1994 г.). Однако только незначительное (в сравнении со странами с сильным гражданским обществом) число организаций взаимодействует с правительством в рамках сколько-нибудь институционализированных отношений (консультационные комиссии и т.п. органы), в целом же влияние акторов гражданского общества на политическую жизнь страны невелико.

Данные опросов свидетельствуют о том, что общественное мнение не рассматривает негосударственные организации в качестве влиятельной силы. Отвечая на вопрос «Какие организации, по Вашему мнению, способны сегодня защитить интересы рядовых граждан?», 37% опрошенных весной 1994 г. сказали «никакие». Прибавьте к ним 23% затруднившихся ответить (в 1993 г. — 30% и 20%); 7% назвали профсоюзы (в 1993 г. — 12%), 13% — прессу (17%), 16% — суд (16%), 1% — органы исполнительной власти (1%), 3% — партии (4%),

Наиболее влиятельные силы представляют, на наш взгляд, исключительно интересы элиты. Легко привести множество примеров «взаимопонимания» между руководителями исполнительной власти, высокопоставленными чиновниками министерств и вышедшими из партхозноменклатуры лидерами объединений промышленников или бизнесменов; бывшие министры «всплывают» в креслах президентов коммерческих банков и концернов и наоборот; подобный обмен людьми и идеями происходит и на региональном уровне. За столкновениями акторов политического общества (например, фракций в Думе, депутатов в Совете Федерации) зачастую нетрудно вычислить интересы отдельных элитных сообществ (в примере с Думой — но крайней мере тех групп, которые сумели добиться возможности воспользоваться парламентским каналом политической коммуникации). Мы не имеем возможности здесь подробно развивать эту тему, которая требует специального и детального рассмотрения. Резюмируя, можно сказать, что в политическом измерении российская посткоммунистическая модернизация — это вестернизация, направляемая элитой, осуществляемая в интересах элиты и, к сожалению, в существенной степени напоминающая модернизацию латиноамериканских государств (см., например, [6, 15]). Политическая алиенация как социальная установка может быть определена как чувство бессилия вследствие отсутствия реального контроля гражданского общества над политической жизнью, политикой правительства и деятельностью государственных институтов, как ощущение бессмысленности участия в какой-либо форме политической активности. Мы полагаем, что политическая алиенация россиян, наблюдаемая в 1994 г., есть проявление вестернизации⁵. Вот факты, свидетельствующие в пользу данного вывода.

Весна 1994 г. была отмечена провалом первых туров выборов в местные органы представительной власти в ряде крупных городов и промышленных центров (Санкт-Петербург, Тула и др.). Выборы не состоялись, поскольку к избирательным урнам пришло менее 1/4 от списочного состава имеющих право голоса (смехотворно низкий порог, установленный властями для признания выборов действительными, не выдерживает сколько-нибудь серьезной критики, но это другая тема). Данный факт

Динамика оценок правительства России*
(по данным всероссийских почтовых опросов
взрослого городского населения, проведенных ИСПИ РАН в 1990—1994 гг.) %

Мнения	Май 1990 г.	Февраль 1991 г.	Апрель 1992 г.	Май 1993 г.	Май 1994 г.
Проводит в целом правильную политику и, хотя в процессе ее реализации встречает значительные трудности, уже добилось некоторых положительных результатов	6	4	16	23	10
Имеет хорошие идеи, но не умеет их реализовать	31	19	24	22	16
И намеченная программа мер, и то, как она проводится в жизнь, вызывает у меня очень много возражений	27	20	21	17	16
Нынешнее правительство не способно решить стоящие перед страной проблемы	31	51	30	24	43
Другое мнение	3	2	4	4	6
Затрудняюсь ответить	2	4	5	10	9

* Респондентам был задан вопрос «Каково Ваше мнение о нынешнем правительстве России?» (СССР — в опросах, проведенных до 1992 г.) Объем выборки в 1990 г. — 1 192 человека, погрешность — 3%; в 1991 г. — 873 человека, погрешность — 4%; в 1992 г. — 1 167 человек, в 1993 г. — 1 172 человека, в 1994 г. — 1 657 человек, погрешность — 3%.

удовлетворительно укладывается в статистический ряд, свидетельствующий о последовательном снижении активности избирателей: 1989 г. — около 90%, 1991 г. — 74%, 1993 г. (апрельский референдум) — 64%, 1993 г. (декабрь) — 53%.

Данные опросов о доверии к Президенту и другим институтам исполнительной власти подтвердили картину крайне невысокого уровня доверия, выявленную в 1993 г. (табл. 1). Налицо кризис доверия и отчуждение населения от власти, разочарование в политических партиях.

Опросы подтверждают этот вывод и свидетельствуют о неверии россиян в возможность оказать воздействие на ход событий. По данным ВЦИОМ, процент россиян, проявляющих по самооценке сильный интерес к политике, снизился с 25 в 1989 г. до 4—5 в 1992—1993 гг. [16]. А вот данные нашего весеннего опроса 1994 г. — только 7 из 100 взрослых горожан назвали себя «политически активными гражданами» (участующими в деятельности партии или общественного движения, в предвыборной агитации и т.д.); 72 человека отметили, что «политика мне интересна, но я лишь пассивно наблюдаю за политической жизнью (читаю газеты, слушаю радио, смотрю ТВ); 21 — что они «абсолютно» или «почти» не интересуются политикой.

Заметим, что падение доверия к институтам власти и разочарование в политических партиях выявлено в опросах во всем мире (например, в ФРГ в 1990-х годах около половины опрошенных говорили о своем разочаровании в основных партиях страны [12]). Таким образом, это не исключительно русский феномен. Мы не будем анализировать здесь природу этого явления. Политическая аalienация в нашей стране связана с уже упоминавшимся кризисом ценностной структуры общества, равно как изменениями в экономической, политической и культурной среде жизнедеятельности россиян. Для старших возрастных групп ее индикаторы коррелируют с негативным

**Распределение ответов на вопрос
«Что для Вас важнее — свобода или равенство?»*, %**

Мнения	Западная Германия, октябрь 1993 г.	Восточная Германия, октябрь 1993 г.	Россия, май 1994 г.
Важны и свобода, и равенство. Но если выбирать между ними, то я считаю личную свободу более важной, т.е. каждый должен жить так как он хочет без каких-либо искусственных ограничений	58	36	29
Конечно, важны и свобода, и равенство, но я считаю равенство более важным, поскольку социальные различия между людьми не должны быть слишком большими и никто не должен пользоваться незаслуженными привилегиями	30	51	58
Не определились с ответом	12	13	13

* Объем выборки опроса, проведенного в Западной Германии — 1 082 человека, в Восточной Германии — 1 116 человек, в России — 1 657 человек, погрешность -3%.

отношением к экономической политике и приверженностью традиционным ценностям и неприятием западных культурных стандартов, навязываемых реформаторами. Алиенация связана и с представлениями о том, что в условиях безудержной коррупции, преступности и растущей дифференциации доходов личного успеха можно достичь только противозаконными средствами. Увы, кризис морали и нравственности в период падения благосостояния масс является неизбежным побочным продуктом вестернизации, по крайней мере, обратной зависимости до сих пор не обнаружено ни в одной из стран.

Можно назвать все это «культурным контекстом» модернизации, если воспользоваться термином Хантингтона [17] и известным определением политической культуры, предложенным Сиднеем Верба [18]⁶. Западные исследователи часто фокусируют внимание на антагонизме двух типов ценностей: индивидуальной свободы, интерпретируемой в рамках либеральной традиции в качестве важнейшей социальной ценности современного западного демократического общества, с одной стороны, и, с другой, — социальной справедливости, равенства, безопасности и порядка, которые культивировали среди своих граждан авторитарные режимы. Жители России и бывшей ГДР, как показывают данные табл. 2, весьма сходны: для многих из них свобода не является высшей социальной ценностью. И это неудивительно — годы жизни при социалистическом эгалитаризме оставили заметный след в массовом сознании. Следовательно, и на изменение массовой психологии потребуется немало времени и усилий.

Психологический шок, связанный с крушением прежней системы ценностей и трудностями адаптации к новой экономической и политической реальности, проявляется как в различном отношении старших и младших к реформам, о чем мы уже писали, так и в росте популярности крайних политических сил. Как указывают немецкие социологи (см, например, [19, 20]), с этим связан радикализм и анти-эмигрантские настроения части молодежи, рост влияния экстремистских групп и политиков фашистского толка. На наш взгляд, данное явление закономерно в рамках процесса вестернизации, проходящей на землях бывшего «первого государства рабочих и крестьян на немецкой земле».

Заметим в этой связи, что активизация такого рода политиков отмечается прежде всего там, где экономические реформы не дали быстрых ощутимых положительных результатов или того, что ожидало население. Если, например, в России эконо-

мический спад не будет остановлен, то, согласно некоторым прогнозам, политическая апатия молчаливого большинства избирателей может смениться широкой поддержкой оппозиции. Правители, находящиеся ныне у власти, дабы удержаться в своих креслах, будут все более скатываться к авторитаризму. Если дела у нас и далее пойдут по «латиноамериканскому» сценарию, то не исключено, что о светлых перспективах для нашей демократии можно будет надолго забыть.

Микаэль Минкенберг пишет, что смена поколений сыграла в конечном счете решающую роль при формировании культурных стереотипов в современной Федеративной Республике Германия в ходе послевоенной вестернизации [11]. Новое послевоенное поколение западных немцев выросло в условиях экономического благополучия, демократии — приоритетов, отдаваемых постматериалистическим ценностям среди прочих, что воплотилось в требованиях большей демократии и новых форм участия граждан в политике. После студенческих волнений 1968 г., возникновения новых общественных движений и ассоциаций инициативных граждан эти требования были в известной мере реализованы, а отчуждение молодежи от политики и разрыв между обществом и политической системой уменьшились. Это расценивается Минкенбергом и другими исследователями как свидетельство «продолжения "вестернизации"¹¹ западногерманской культуры и общества» [Ц, р. 58]. Он отмечает также, что вестернизация привела к тому, что западные немцы демонстрируют меньшую степень гордости за свою страну и нацию по сравнению с представителями других народов, начиная с момента образования ФРГ, когда это было вполне понятно и предсказуемо, вплоть до настоящего времени, когда данный факт расценивается уже как свидетельство растущей неопределенности в понимании национальной идентичности (тем более в современной объединенной Европе без границ) — кто мы, откуда произошли и гражданами какой страны являемся.

Что же наши соотечественники? Вот как ответили взрослые жители российских городов, опрошенные нами весной 1994 г., на вопрос «Кем Вы себя ощущаете в первую очередь?»:

17% — «я в первую очередь ощущаю свою принадлежность к общности жителей той местности, города, села, где живу сейчас» (ответы типа «я — москвич»);

17% — «для меня важнее принадлежность к жителям того региона (республики, области), в которой я живу» (ответы типа «я — из Татарии», «я — дальневосточник», «я — северянин», «я — с Волги»);

49% — «я — россиянин» (житель России, гражданин Российской Федерации);

2% — «я — европеец» (ощущаю себя жителем Европы);

11% — «я — гражданин мира, житель планеты Земля, то, где я сейчас живу, для меня не имеет существенного значения»;

4% — «не знаю». Итак, половина из горожан, идентифицируя себя, на первое место ставит свое российское гражданство. Примерно столько же респондентов гордятся этим (31 из 100 «очень горды», а 22 — «весьма горды» тем, что они граждане России). Однако заставляют задуматься ответы второй половины: 21% из 1 657 респондентов «не очень» гордятся своим гражданством, 14% — «совсем не горжусь», 4% выбрали вариант «не знаю». Думается, было бы ошибкой полагать, что половина горожан не является патриотами своей родины. На наш взгляд, сквозь их ответы проглядывает боль и обида.

Экономика страны и российское общество в ходе радикальных реформ 1992—1993 гг. продемонстрировали удивительную стойкость и способность к обновлению. И вывод о том, что к настоящему времени произошел существенный сдвиг, перелом в умонастроениях россиян, будет верным и обоснованным. Население и хозяйственная элита приняли навязанные реформаторами сверху правила поведения в новых экономических реалиях. Поэтому адаптация к вестернизации может рассматриваться как процесс принятия новой политической и ценностной парадигмы, происходящий в условиях не преодоленного до сих пор идеологического раскола российского общества — кризиса общественного и элитного сознания, сложившегося в предыдущий период.

Заключение

Королева Великобритании в пред рождественском обращении 1993 г. сравнила мир с *глобальной деревней* (подобное сравнение встречалось и ранее, так что авторство данной метафоры ей не принадлежит). Вестернизация — это болезненное замещение прежней *национальной* системы ценностей и стереотипов культуры на импортную — *глобальную унифицированную* — систему установок и моделей поведения. С определенной долей условности ее можно рассматривать как составную часть процесса глобализации массового сознания, превращения всех жителей планеты в соседей, руководствующих общими правилами поведения. Современные средства массовой коммуникации способствуют развитию этого процесса. Нельзя отрицать его позитивного содержания, равно как и прогрессивный в целом характер модернизации. Однако нельзя не видеть и негативные стороны явления. Нельзя отмахнуться от вопросов о цене, которую общество вынуждено платить за преимущества позападного цивилизованной жизни, — это эрозия национальной культуры, рост насилия, отчуждения и социальной аномии.

Модернизация России в том варианте, который мы наблюдаем сегодня, имеет и сторонников, и противников. Отнюдь не все склонны верить в то, что нашу страну ждет подлинно равноправное партнерство с Западом, а не подчиненное положение или новый виток соперничества. Россия и ее соседи в дальнем и ближнем зарубежье имеют свои национальные интересы и в силу этого зачастую по-разному видят решение проблем национальной и интернациональной безопасности.

По иному звучит сегодня важнейший вопрос об **альтернативных путях развития**, решать который были вынуждены в прошлом развивающиеся страны. Альтернатива, предложенная коммунистами и реализованная в странах реального социализма, оказалась несостоятельной. Тем не менее поиск продолжается. В него наряду с исламскими фундаменталистами включились и политики, находящиеся в оппозиции нынешнему режиму в России. Последние, на наш взгляд, пока ничего вразумительного, принципиально и качественно отличного от стратегии, реализуемой сегодня на практике, предложить не смогли (мы не будем останавливаться здесь на спорах о тактике реформ при фактически едином понимании стратегических целей — см. об этом [7], равно как в целях экономии журнальной площади не будем обсуждать и фантазии, основанные на ностальгии по ушедшему коммунистическому прошлому). Существует ли такая альтернатива в действительности, покажет время. Ясно одно — вестернизация России началась, но отчетливого понимания того, какой будет Россия в конце переходного периода нет ни у ее ярких сторонников, ни у их оппонентов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хантингтон выделяет девять характеристик модернизационного процесса, с которыми, по его мнению, в целом согласны и другие исследователи. Первым в списке стоит указание на революционный характер данного процесса. Имеются в виду его технологические и культурные последствия — настолько же значительные, как и результаты Неолитической революции, приведшей человечество к переходу от сбора плодов и охоты к оседлым агрокультурам. Этот переход А. Тоффлер описал как движение от первой волны ко второй. Переход от индустриального к постиндустриальному (информационному) обществу суть движение от второй к третьей волне. Критически настроенные исследователи указывают, что в то время как одна и весьма небольшая часть человечества движется от индустриального общества к еще более технологически развитой форме, 2/3 в силу ограничивающих их развитие обстоятельств остаются частью первой волны [1, p. 4]

² О психологических трудностях приспособления бывших колхозников к новому укладу жизни и вариантах реформы в сельском хозяйстве ставших независимыми посткоммунистических стран Балтии размышлял финн И. Аланен в докладе, представленном на XIII Всемирном социологическом конгрессе в Билефельде в июле 1994 г. [10]. Основываясь на материалах эмпирических исследований, проведенных в 1993 г., он приходит к следующим выводам. Нет очевидных политических причин ожидать, что Балтийские республики смогут пойти по пути Западной Европы и Северной Америки в части реформы сельско-

хозяйственного комплекса. Поскольку, по мнению Аланена, теория модернизации применима и в данном случае, то, теоретически рассуждая, для них более вероятен латиноамериканский тип развития аграрного производства. Хотя разрушение колхозов являлось политической целью в странах Балтии, угроза коллапса сельскохозяйственного производства и растущая оппозиция сельского населения в отношении ликвидации коллективных хозяйств, повышают вероятность того, что предприятия этого типа сохранятся. Большинство населения (как городского, так и сельского), особенно в Литве, либо поддерживает крупномасштабное сельскохозяйственное производство, либо демонстрирует прагматическое (не идеологизированное) мнение в отношении проблемы выбора между ним и мелкомасштабным фермерством (по принципу «давайте подождем и посмотрим, что окажется более эффективным»). При этом менее 20% населения поддерживают вариант приватизации, проводящийся правительством в настоящее время. Аланен приводит данные, свидетельствующие о том, что аналогичное положение выявлено исследователями в бывшей ГДР, Чехословакии и России, где о своем интересе к идее создания семенных ферм заявляет незначительное меньшинство — в основном городские жители, намерения которых сельские характеризуют как «наивные» или «авантюрные». В долгосрочной перспективе многое зависит от идеологических компонентов в политике руководства этих стран и состояния общественного мнения (в Эстонии, например, наблюдается политическая а alienация населения). Очевидно, однако, что большая часть занятых в сельском хозяйстве привыкла к стилю жизни наемного работника в рамках крупных коллективных ферм. Возврат к мелкому фермерству расценивается ими как шаг назад, сделать который многие в принципе не готовы по ряду причин (возраст, характер приватизации и т.д.). В то же время данные опросов показывают, что аграрное население бывшей Советской Прибалтики (всюду, кроме Литвы), в целом готово проститься с советским типом колхозов, и, следовательно, существующие кооперативы, сохраняя свои преимущества перед мелким фермерством, могут быть реорганизованы на новой основе. Однако оценить реальные идеологические и политические шансы такой альтернативы в настоящий момент невозможно.

² См. об этом в [7, 9].

⁴ Автор не согласен с высказываемой иногда точкой зрения о том, что данная категория не применима в исследованиях современного российского общества (см. например, мнение С. Коэна в [13]). Разногласия между учеными по данному вопросу, по нашему мнению, частично обусловлены различным пониманием содержания данного термина. Существует множество определений категории «гражданское общество», обсуждение которых выходит за рамки настоящей работы. В данном контексте «гражданское общество» рассматривается как совокупность независимых от государства социальных акторов и каналов коммуникации. Эти акторы действуют, однако, внутри государства, оказывая давление на его руководителей. Такое понимание содержания данного понятия в настоящее время получает все более широкое распространение среди исследователей преобразований в экс-социалистических странах и классифицируется иногда как неограмшанская интерпретация этого термина (см., например, [14]). «Политическое общество» в рамках данного подхода понимается одновременно и как часть гражданского общества переходного периода, и как медиатор, чьей важнейшей функцией является согласование целей, приоритетных с позиций общегосударственных интересов, и целей, которые ставят перед собой различные группы населения на основе собственных независимых интересов. Эта функция (воздействие на процесс принятия решений на различных уровнях государственной власти) осуществляется через институты представительной демократии (парламент и др.), независимые средства массовой информации и другие каналы политической коммуникации. Подробнее указанные выше теоретические вопросы и динамика российского политического общества проанализированы в нашем докладе, представленном на XIII Всемирном социологическом конгрессе в Билефельде в июле 1994 г., фрагменты из которого использованы в настоящей статье.

⁵ В этом разделе статьи использованы материалы нашего доклада «Political Alienation, Mass Media and Democratic Process in Contemporary Russia» на XVI Всемирном Конгрессе Международной Ассоциации политической науки в Берлине (21—25 августа 1994 г.).

⁶ Фактор «культурного контекста» преобразований является по Хантингтону четвертым из условий, способствующих или препятствующих развитию и стабилизации демократии (первое условие — экономическое богатство: (хорошая экономическая ситуация, справедливое распределение доходов и т.д.: второе — композиция социальной структуры, включающая средний класс и независимые друг от друга элиты, особенно политическую и деловую элиты, а также разветвленную сеть организаций, объединяющих граждан по интересам; третье — влияние внешнего мира). Демократия в его понимании — это политическая система, в которой лица, принимающие наиболее ответственные политические решения, зависят от периодически проводимых выборов на основе открытого соперничества кандидатов, в которых принимает участие практически большинство взрослого населения [17]. По Алмонду и Верба, политическая культура — это система эмпирически фиксируемых оценок, убеждений, чувств, символов и ценностей, определяющая параметры, в рамках которых политическое действие представляется легитимным [18]. Такое понимание термина «политическая культура» было разработано после второй

мировой войны для оценки перспектив развития демократии в Западной Германии, Италии и постколониальной Африке. Оно неоднократно критиковалось за свою англо-американскую ориентацию. Минкенберг отмечает, что перемены в Восточной Европе подчеркивают как актуальность этого понятия спустя сорок лет после первой публикации, так и необходимость его использования и переосмысления при изучении взаимосвязи политических изменений и перемен в политической культуре [11, p. 54].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dube S.C.* Modernization and Development: the Search for Alternative Paradigm (Socio-cultural development alternatives in a changing world). Tokyo: Un Univ. Press, 1988.
2. *Allahar A.L.* Sociology and the Periphery. Theories and Issues. Toronto: Garamond Press, 1989.
3. Comparative Modernization / Cyril E. Black, (ed.). New York: Free Press, 1976.
4. Political Modernization / Claude E. Welch, jr. (ed.). Belmont, Calif.: Wadsworth Publ. Corp., 1967.
5. *Apter D.E.* Some Conceptual Approaches to Study of Modernization. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall Inc., 1968.
6. *Silvet K.M.* The Conflict Society: Reaction and Revolution in Latin America. Revised Ed. New York and Evanston, Harper & Row, Colophon Books, 1966.
7. *Рукавишников В.О.* Социальная динамика и политический конфликт в России // Социол. исслед. 1993. №9.
8. *Рукавишников В.О.* Социальная динамика и социальная напряженность в обществе переходного периода // Демография и социология. Вып. 11. Личность и семья в эпоху перемен. 1994. С. 25—43.
9. *Рукавишников В.О.* Социология переходного периода // Социол. исслед. 1994. № 6. С. 8—9.
10. *Alanen I.* The Privatization of Agriculture and the Family Farm Ideology in the Baltic Countries. Paper presented at the 13th World Congress of Sociology (ISA), RC 40 «Sociology of Agriculture», July 18—23. 1994. Bielefeld, Germany.
11. *Minkenber M.* The Wall After the Wall. On the Continuing Division of Germany and the Remaking of Political Culture // Comparative Politics. 1993. V. 26. № 1. P. 53—68.
12. *Noelle-Neumann E.* Changing from Dictatorship to Democracy without a Change in Journalists: A Report on a Joint German-American Project on the Development of Democracy in the New East German States and the Role of the Mass Media. Paper prepared for the panel, «The Mass Media and the Democratic Process», at the 16th World Congress of the International Political Science Association. Berlin. August 21—25. 1994.
13. *Cohen S.* What Is Really Happening in Russia? // The Nation. 1992. March 2. P. 259—264.
14. *Frentzel-Zagorska J.* Two Phases of Transition from Communism to Democracy in Poland and Hungary // Sysyphis. Sociological Studies (Warsaw, Poland). 1991. V. 7. P. 95—114.
15. *Dix R.H.* Columbia: the Political Dimension of Change. New Haven & London: Yale Univ. Press, 1967.
16. Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень ВЦИОМ. 1994. №№ 2, 4.
17. *Huntington S.P.* «Will More Countries Become Democracies?» // Political Science Quarterly. 1984. V. 99. P. 193—218.
18. *Almond G, Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton Univ. Press, 1963.
19. *Kohr H.-U.* National and Transnational Attachments and Orientations of Young Germans Towards Security and the Armed Forces // Paper for the Meeting of the Research Committee on Armed Forces and Society of the IPSA. Moscow. July 19—23. 1993.
20. *Kohr H.-U.* Psychological Problems in the German Unification Paper presented at the Congress on German Unification of the Korean Psychological Association. Seoul. June 11—22, 1993.